

ОБЗОРЫ

CONVERSATIONS ABOUT WORLD WAR II: ECHOES FROM THE OTHER SIDE OF THE ATLANTIC OCEAN

Letter to the Editor-in-Chief

I read with great interest “My Experience of War. Childhood in Occupied La Rochelle” by Pierre Marillaud, published last year in the *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. The memories of Dr. Marillaud and other representatives of his generation, who witnessed the perils of the epoch with their own eyes, are becoming rare and more valuable as years go by. I also appreciate the other materials on the history of World War II (WWII) that appeared in your journal, they also are very interesting and insightful.

Inspired by the content of your publications, I decided to share my recollection of encounters with people who lived through the war in France, Switzerland, Poland, and Hungary. I met them on the other side of the Atlantic Ocean and noticed their readiness to recall and communicate their personal war experiences and their attitudes towards the Soviet

РАЗГОВОРЫ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ОТГОЛОСКИ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ АТЛАНТИЧЕСКОГО ОКЕАНА

Письмо главному редактору

Я с большим интересом прочитал мемуары Пьера Марийо «Мой опыт войны. Детство в оккупированной Ла-Рошели», опубликованные в прошлом году в «Вестнике Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates». Воспоминания доктора Марийо и других представителей его поколения, которые своими глазами видели опасности эпохи, с годами становятся всё более редкими и ценными. Я также ценю другие материалы по истории Второй мировой войны, опубликованные в вашем журнале, они также очень интересны и проникательны.

Вдохновленный вашими публикациями, я хочу поделиться воспоминаниями о встречах с людьми, которые пережили войну во Франции, Швейцарии, Польше и Венгрии. Я встретил их на другом берегу Атлантического океана и заметил их готовность поделиться воспоминаниями и своим личным военным опытом и рассказать о своем

Union or Soviet people in the flow of events in that era. These men revealed the segments of an intricate web of human history largely unknown to me, and perhaps not well known to many of our contemporaries.

The initiative to talk about WWII came from them. These individuals related to me their thoughts as soon as they learned that I am Russian. As we are approaching the 76th anniversary of the Victory over the Nazi regime in Germany, these reflections can enrich our comprehension of those tumultuous days and could be of value for the outlook of future generations. I would like to say that Marillaud's narration also helped me to get a much deeper understanding of the global character of WWII and the historical connections between France and Russia.

As I read the pages of Marillaud's recollections and tried to learn more about the Nazi occupation of France, particularly La Rochelle, a Franco-Italian film *Le train* based on the novel by George Simenon drew my attention. The director of the movie, Pierre Granier-Deferre, was thirteen when Germany attacked his country in 1940. Thirty-three years later, he led his crew to the successful release of this poignant picture. It shows a railroad journey of people who are gathered in a cattle wagon near the Belgian border trying to escape advancing German troops. We can see the realities of WWII through a combination of newsreel footages and silver screen drama. The bittersweet romance of the main protagonists enacted by Jean-Louis Xavier Trintignant, who became famous in the USSR because of his leading role in the movie *A Man and a Woman* (*Un homme et une femme*),

отношении к Советскому Союзу и советским людям в ходе событий той эпохи. Эти люди раскрыли моменты сложной истории человечества, в значительной степени неизвестной мне и, думаю, многим нашим современникам.

Инициатива рассказать о Второй мировой войне исходила от них самих. Они делились со мной своими мыслями как только узнавали, что я русский. Поскольку мы приближаемся к 76-й годовщине Победы над нацистским режимом в Германии, эти размышления могут обогатить наше понимание тех бурных дней и повлиять на мировоззрение будущих поколений. Хочу сказать, что повествование Марийо также помогло мне гораздо глубже понять глобальный характер Второй мировой войны и исторические связи между Францией и Россией.

Когда я читал воспоминания Марийо и пытался больше узнать о нацистской оккупации Франции, особенно Ла-Рошели, мое внимание привлек франко-итальянский фильм «Поезд» по роману Жоржа Сименона. Режиссеру этого фильма, Пьеру Гранье-Деферру, было тринадцать, когда Германия напала на его страну в 1940 г. Тридцать три года спустя он со своей командой снял успешную и пронзительную картину. В ней изображено путешествие по железной дороге людей, которые собрались в вагоне для скота возле бельгийской границы, пытаясь скрыться от наступающих немецких войск. Мы видим реалии Второй мировой войны через комбинацию кадров кинохроники и драмы на киноэкранах. Трагичный роман между главными героями в исполнении Жан-Луи Ксавье Трентиньяна, ставшего известным в СССР из-за главной

and by Romy Schneider, a star of Austrian, French, and German cinema of 1950-1970s, terminates at the final stop in La Rochelle. One of the episodes — a criminal act of Luftwaffe attack on the train — had an especially gripping effect on me. French actress Anne Wiazemsky¹ played the role of la jeune mère au bébé, the unfortunate victim of an air raid on the train.

I knew from my grandmother Anna and my mother Lidiya that Germans used aviation against non-military targets simply to kill and terrorize the population of the Soviet Union. My grandmother and two of her daughters, Nina and Lidiya, barely escaped occupation walking away shortly before the capture of Volokolamsk (a city North East of Moscow) by Wehrmacht in October 1941. Georgy Sergeevich Babkin, the founder and the first Dean of Foreign Language Faculty at the University of Tyumen, who received warm recognition from Marillaud, also described this terrible practice of German pilots in his book *Psychology of the Front Line. Notes of an Intelligence Officer*. He was only 17 during the evacuation from Minsk on one of the last trains to Moscow in the summer of 1941. After an enemy air strike, a recent school graduate had to bury his aunt. I was unaware, however, that Nazi Air Force used the same awful tactics in France.

¹ Interestingly, Anne Wiazemsky was a granddaughter of French writer and the Nobel Prize laureate in Literature (1952) François Charles Mauriac and a daughter of a Russian Prince.

роли в фильме «Мужчина и женщина» (Un homme et une femme), и Роми Шнайдер, звезды австрийского, французского и немецкого кино 1950-1970-х гг., завершается на конечной остановке в Ла-Рошели. Один из эпизодов картины — преступный акт нападения люфтваффе на поезд — произвел на меня особенно сильное впечатление. Французская актриса Анна Вяземски¹ сыграла la jeune mère au bébé, несчастную жертву авианалета на поезд.

От своих бабушки Анны и мамы Лидии я знаю, что немцы использовали авиацию против невоенных целей просто для того, чтобы убивать и терроризировать население Советского Союза. Моя бабушка и две ее дочери, Нина и Лидия, едва избежали оккупации, уйдя незадолго до взятия Вермахтом Волоколамска (города к северо-востоку от Москвы) в октябре 1941 г. Георгий Сергеевич Бабкин, основатель и первый декан факультета романо-германской филологии Тюменского государственного университета, получивший признание Марийо, также описал эту ужасную практику немецких летчиков в своей книге «Психология переднего края. Записки фронтового разведчика». Ему было всего 17 лет, когда он покинул Минск во время эвакуации на одном из последних поездов в Москву летом 1941 г. После авиаудара противника недавнему выпускнику школы пришлось похоронить свою тетю. Однако я не знал, что нацистские ВВС использовали такую же ужасную тактику во Франции.

¹ Интересно, что Анна Вяземски была внучкой французского писателя и лауреата Нобелевской премии по литературе (1952 г.) Франсуа Шарля Мориака и дочерью русского князя.

***

The first person whose recollection of the war I would like to highlight was born in France. When I met him in Florida, his American name was John. My wife happened to be a colleague and a friend of a lady from Brazil who became his spouse. John was a remarkable reencounter, and I enjoyed his story.

He was in his teens and studied biology and medicine in Lacordaire Academy, Marseille, in 1941¹. This young man's plans were shattered when the Germans assumed the administration of the Provence region a couple of years after their occupation of France. As an individual with skills in the medical field, he was assigned to work as a medic in a local labor camp used as a resource by the organization Todt, a major German enterprise responsible for fortification projects². John mentioned that he treated prisoners of war in the camp as well as the German and Italian personnel. He recalled his involvement in operations including amputation of lower limbs and administration of medications for venereal

---

¹ I am grateful to Paul Valentine and Selma De Lima for their help with information about John.

² The German construction company Hanbuch and Sohn, a subcontractor of the Todt organization, was entrusted with building facilities on the U-boat base in La Rochelle in 1941 according to the website of the local museum Le Bunker (<https://www.bunkerlarochelle.com>). The bunker served to shelter the German Navy during the British and American Air Force attacks that troubled the mind of the young Pierre Marillaud. The concrete behemoths of submarine pens of La Rochelle remain in place. Their monumental structure had appeared in the notable 1982 German film *Das Boot*.

***

Первый человек, чьи воспоминания о войне я хотел бы отметить, родился во Франции. Когда я встретил его во Флориде, он представился американским именем Джон. Моя жена была коллегой и другом женщины из Бразилии, которая впоследствии стала его супругой. Джон был замечательным человеком, и мне понравился его рассказ.

Он был еще подростком и изучал биологию и медицину в Академии Лакордер в Марселе в 1941 г.¹ Планы этого молодого человека рухнули, когда через пару лет после захвата Франции немцы взяли на себя управление регионом Прованс. Из-за его медицинских навыков он был направлен медиком в местный трудовой лагерь, которым пользовалось Todt — крупное немецкое предприятие, ответственное за проекты по обогащению урана². Джон упомянул, что лечил в лагере военнопленных, а также немецкий и итальянский состав. Его медицинская деятельность включала участие в операциях вроде ампутации

---

¹ Я благодарен Полу Валентайну и Сельме Де Лима за их помощь с информацией о Джоне.

² Немецкой строительной компании Hanbuch and Sohn, субподрядчику организации Todt, было поручено строительство объектов на базе подводных лодок в Ла-Рошели в 1941 г., согласно веб-сайту местного музея Le Bunker (<https://www.bunkerlarochelle.com>). Бункер служил укрытием для военно-морского флота Германии во время атак британских и американских ВВС, которые беспокоили юного Пьера Марийо. Бетонные чудовища подводных загонов Ла-Рошели остаются на своих местах. Их монументальная структура была показана в известном немецком фильме 1982 г. «Das Boot».

diseases to Italian soldiers. In 1944, John's girlfriend perished in an air strike-caused destruction of Marseille by the allies. After opening the front in Normandy in June 1944, it became clear that Hitler was losing the war. According to John, he was told by his Todt supervisor that his German boss, a physician in the camp and apparently a devoted Nazi, could not be left behind alive. And he was not.

After that, John escaped to the mountainous village of Les Mayons north of St. Tropez to his cousin, who was a part of a group of French Resistance. John's fluency in English allowed him to serve as an interpreter when American airborne regiment landed near Les Mayons during the operation Dragoon in August 1944. St. Tropez and the rest of Cote d'Azur was liberated. John used his contacts with the US Army in obtaining a slot as a French Air Cadet in a newly initiated program to

нижних конечностей и предписание лекарств от венерических заболеваний итальянским солдатам. В 1944 г. подруга Джона погибла в результате авиаудара союзников на Марсель. После открытия фронта в Нормандии в июне 1944 г. стало очевидно, что Гитлер проигрывает войну. Как, по словам Джона, ему рассказал его начальник из Тодт, их немецкий босс, лагерный врач и преданный нацист, не должен был покинуть лагерь живым. Так и произошло.

После этого Джон сбежал в горную деревню Ле-Майон к северу от Сен-Тропе к своему двоюродному брату, который был частью французского Сопротивления. Хорошее знание Джоном английского языка позволило ему выступать в качестве переводчика, когда американский десантный полк приземлился возле Ле-Майон во время операции Драгун в августе 1944 г. Сен-Тропе и весь остальной Лазурный берег был освобожден. Джон воспользовался

Fig. 1. Submarine base (WWII) of the port of La Pallice seen from the southwest

Source: Wikimedia Commons (<https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Baselapallice08.jpg>), CC-BY-SA-2.5

Рис. 1. База подводных лодок (Вторая мировая война) в порту Ла-Палис, вид с юго-запада

Источник: Wikimedia Commons (<https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Baselapallice08.jpg>), CC-BY-SA-2.5

rebuild the French Air Force and travelled to the United States for training.

He did not share with me the details of his medical supervisor's final moments. However, John told me that since that moment in his life his gun was always with him. Indeed, he always had his gun nearby in his bedroom and talked a lot about WWII¹. Strikingly, the subject of John's deliberations with me was the role of Stalin, Churchill, and Roosevelt in the global military conflict. He acknowledged that Soviet Union paved the path to the victory in WWII stressing that the contribution of the Red Army was decisive. John lamented that Americans en masse are unaware of this piece of information of crucial historical importance.

своими связями с армией США, чтобы получить место французского летчика-кадета в недавно инициированной программе восстановления французских ВВС, и поехал на обучение в Америку.

Он не поделился со мной подробностями последних моментов жизни своего медицинского руководителя. Однако Джон сказал мне, что с того момента он всегда носил с собой пистолет. Подтверждаю, у него в спальне всегда под рукой был пистолет, и он много говорил о Второй мировой войне¹. Поразительно, но предметом нашего с Джоном обсуждения была роль Сталина, Черчилля и Рузвельта в глобальном военном конфликте. Он признал, что Советский Союз проложил путь к победе во Второй мировой войне, подчеркнув, что вклад Красной Армии был решающим. Джон посетовал, что американцы в массе своей не знают об этой информации, имеющей столь решающее историческое значение.

---

¹ For readers willing to learn more about the history of war trauma, a fascinating review of French researchers Marc-Antoine and Louis Crocq (2000, *Dialogues Clin. Neurosci.* 2: 47-55. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3181586/>) shows the evolution of the diagnostic vocabulary including such terms as "soldier's heart", "shell shock", "war neurosis" (or the *névrose de guerre* and *Kriegsneurose* in French and German) into the posttraumatic stress disorder or PTSD. This term first appeared upon the end of the Vietnam War in 1980 in the third edition of the *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-III)* of the American Psychiatric Association and now became a household name.

¹ Для читателей, желающих узнать больше об истории военной травмы, французские исследователи Марк-Антуан и Луи Крок в своём обзоре (2000, *Dialogues Clin. Neurosci.* 2: 47-55. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3181586/>) показывают превращение таких диагностических терминов, как «солдатское сердце», «контузный шок», «военный невроз» (или *névrose de guerre* и *Kriegsneurose* на французском и немецком языках), в посттравматическое стрессовое расстройство или ПТСР. Этот термин впервые появился в конце войны во Вьетнаме в 1980 г. в третьем издании *Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, DSM-III)* Американской психиатрической ассоциации и стал на сегодня нарицательным.

***

The recognition of the decisive role of the Soviet Union in the victory over Nazi I have also heard from Francois, who lived in Switzerland during the war. Francois worked for a long time as an engineer at Renault plant. He spoke English, but his French accent was easily recognizable. We met with him at a table tennis club in Florida. Francois recalled how he and his friends were awaiting with impatience radio broadcasts with the latest news from the battlegrounds in the East, and how they mapped the advances of the Red Army. Because the number of tables in the club was limited, we had to wait for some time for our turns. Therefore, I got a chance to chat with Francois and another player, Henry.

***

Like John and Francois, Henry Rubin related his WWII experiences to me without my solicitation. He served in the Polish Army and had a chance to hit the Germans from his cannon. However, their resistance did not last long. Soon after their retreat to Bialystok in Eastern Poland, Henry found himself in a camp for prisoners of war in Northern Russia. His supervisor liked his technical skills and wanted to keep this useful worker in the camp. He tried to conceal the agreement of Soviet and Polish Government about the creation of Polish Army under the command of General Anders on the USSR territory in August of 1941. Henry was able to find the document and faced the administrator insisting on his immediate release. He was evacuated to Iran with Anders' Army, which later joined British forces in Palestine. A table tennis champion of Lodz before the war, he sadly

***

Признавал решающую роль Советского Союза в победе над нацистами также и Франсуа, который жил в Швейцарии во время войны. Франсуа долгое время работал инженером на заводе Рено. Он говорил по-английски, но его французский акцент был легко узнаваем. Мы встретились с ним в клубе настольного тенниса во Флориде. Франсуа вспоминал, как он и его друзья с нетерпением ждали радиопередач с последними новостями с полей сражений на Востоке и как они отмечали наступление Красной Армии. Поскольку количество столов в клубе было ограничено, нам пришлось ждать своей очереди некоторое время. Таким образом, у меня появилась возможность пообщаться с Франсуа и другим игроком, Генри.

***

Как и Джон с Франсуа, Генри Рубин не ждал приглашения, чтобы начать рассказывать о своем опыте во Второй мировой войне. Он служил тогда в польской армии и смог даже выстрелить в немцев из своей пушки. Однако их сопротивление длилось недолго. Вскоре после их отступления в Белосток в Восточной Польше Генрих оказался в лагере для военнопленных на севере России. Его начальнику нравились его технические навыки, и он хотел оставить такого полезного работника в лагере. Он попытался скрыть договоренность советского и польского правительств о создании Польской армии под командованием генерала Андерса на территории СССР в августе 1941 г. Генри смог найти этот документ и пошел к начальству, настаивая на немедленном освобождении. Его эвакуировали в Иран с армией Андерса,

told me that found none of his family members upon the end of WWII in Poland.

It is hard to believe, but right after Henry's death, I met another Rubin on a plane from Poland who found himself in Russia after the beginning of the war. Like Henry, this Rubin (unfortunately, his first name escaped from my memory) came forward with recollection of his wartime experiences. He warmly recalled his schoolteacher from the Ural region, who protected him from his classmate bullying so long ago. I was struck that both men showed genuine disposition to share their memories about Russia with me.

***

Finally, I would like to look back on my conversation with Professor Arisztid Kovach from Hungary. I met him in Washington in 1994 during an annual meeting of the Society for Neuroscience. We had a very good time just before he departed to Philadelphia, where he conducted studies at the University of Pennsylvania as a visiting scholar. Dr. Kovach was a distinguished physiologist from Semmelweis University in Budapest. He served as a secretary of the World Federation of Physiological Sciences and created an internationally recognized research school, setting in motion several generations of Hungarian scientists. In the 1970s, my colleagues Ivan Demchenko, Gustav Weinstein, Alexander Krivchenko, and the head of our laboratory Professor Yuri Moskalenko at the Institute of Evolutionary Physiology and Biochem-

которая позже присоединилась к британским войскам в Палестине. Чемпион Людзи по настольному теннису до войны, он с грустью рассказал, что, вернувшись в Польшу после окончания Второй мировой войны, не нашел там никого из членов своей семьи.

Трудно поверить, но сразу после смерти Генри я встретил в самолете из Польши другого Рубина, который после начала войны оказался в России. Как и Генри, этот Рубин (к сожалению, его имя ускользнуло из моей памяти) поделился воспоминаниями о своих военных переживаниях. Он с теплотой вспоминал своего школьного учителя с Урала, который тогда защищал его от издевательств со стороны одноклассника. Меня поразило то, что оба мужчины проявили искреннее желание поделиться со мной своими воспоминаниями о России.

***

Наконец, я хотел бы вспомнить мой разговор с профессором Аристидом Ковачем из Венгрии. Я встретил его в Вашингтоне в 1994 г. во время ежегодного собрания Общества нейробиологии. Мы очень хорошо провели время прямо перед его отъездом в Филадельфию, где он проводил исследования в Пенсильванском университете в качестве приглашенного ученого. Доктор Ковач был выдающимся физиологом из Университета Земмельвейса в Будапеште. Он служил секретарем Всемирной федерации физиологических наук и создал всемирно признанную исследовательскую школу, положившую начало нескольким поколениям венгерских ученых. В 1970-е гг. мои коллеги Иван Демченко, Густав Вайнштейн, Александр Кривченко и заведующий

istry of the Academy of USSR read and knew well the works of Dr. Kovach and his co-workers.

I do not know why, but after a few minutes following our acquaintance, he shared with me his memories of the time when the Soviet Forces entered Budapest after crushing German and Hungarian resistance. Perhaps, a few Magyar words said by me pleased Professor Kovach. He received his medical degree in October of 1944. At that time, the Red Army advanced to the outskirts of Budapest and encircled the capital on the 26th December 1944. After a long brutal battle, the city unconditionally surrendered on 13th February 1945. The website of Semmelweis University¹ informs that its Rector praised Kovach for his exemplary humanitarian conduct during the siege of Budapest. However, he did not mention this in our conversation. He spoke about misery, devastation, and his gratitude to Colonel Smirnov of the Red Army, who ordered to deliver containers packed with food to starving Arisztid and his colleagues from their physiological laboratory. A few years later, he again met Smirnov in Moscow when he attended an international symposium. Unfortunately, I did not ask neither the first name nor who Colonel Smirnov was. Two years after our conversation, Dr. Kovach died.

***

At the end of my letter, I would like to highlight how Marillaud's manuscript

нашей лабораторией профессор Юрий Москаленко из Института эволюционной физиологии и биохимии АН СССР читали и были хорошо знакомы с работами доктора Ковача и его коллег.

Не знаю почему, но через несколько минут после нашего знакомства он поделился со мной своими воспоминаниями о времени, когда Советские войска вошли в Будапешт после подавления сопротивления Германии и Венгрии. Возможно, сказанные мной несколько мадьярских слов понравились профессору Ковачу. Он получил степень доктора медицины в октябре 1944 г. В это время Красная Армия продвинулась на окраине Будапешта и окружили столицу 26 декабря 1944 г. После долгого жестокого сражения город безоговорочно капитулировал 13 февраля 1945 г. На сайте Университета Земмельвайса¹ говорится, что его ректор похвалил Ковача за образцовые гуманитарные действия во время блокады Будапешта. Однако в нашем разговоре он об этом не упомянул. Он рассказал о невзгодах, опустошении и своей благодарности полковнику Красной Армии Смирнову, который приказал доставить еду голодающим Аристиду и его коллегам из физиологической лаборатории. Через несколько лет он снова встретился со Смирновым в Москве, когда посетил международный симпозиум. К сожалению, я не спросил имя полковника Смирнова. Через два года после нашего разговора доктор Ковач умер.

***

В конце своего письма я хотел бы подчеркнуть, как воспоминания Марийо

¹ <http://baratikor.semmelweis.hu/galeria/page.php?id=95>

enriched my understanding of the ties between France and Russia. One interesting historical parallel presented by the author in the afterword is the Soviet-German Peace pact of 1939 and Franco-Russian treaties of Tilsit of 1807. Marillaud pointed out that the correspondence of the Russian czarina shows how Alexander I foresaw the attack of Napoleon on Russia despite a very friendly conduct of French Emperor. However, the czar needed the treaty at least to delay the invasion. This hidden aim of the Russian czar is confirmed by Henry Troyat, French historian and writer, in his book titled *Alexander of Russia. Napoleon's Conqueror*. Troyat cited private letters of both Alexander and Napoleon and wrote:

“Thus, each of the two Emperors thought he was deceiving the other in an atmosphere of theatrical cordiality. For Napoleon, Tilsit was the assurance that he would have a free hand elsewhere; for Alexander, it was an honorable way of gaining time. Though each declared that this treaty promised a lasting peace, neither of them was really convinced of it”¹.

Stalin had a predicament of a very similar nature, facing the threat of destruction by the newly grown German military might in 1939. The personality of Stalin can evoke different emotions. However, one of the most impressive opinions about this statesman I have heard came from my friend Almos Trif, Professor of Pathology from the Romanian city Iasi. When a debate about the role of Stalin has flared up

---

¹ Troyat Henry. In: *Alexander of Russia. Napoleon's Conqueror*. E.P. Dutton, Inc, New York, 1982, p. 106.

обогатили мое понимание связей между Францией и Россией. Интересная историческая параллель, представленная автором в послесловии, — это советско-германский мирный договор 1939 г. и франко-российский Тильзитский мир 1807 г. Марийо указал, что переписка русской царицы показывает, как Александр I предвидел нападение Наполеона на Россию несмотря на очень дружелюбное поведение французского императора. Однако царю договор был нужен хотя бы чтобы отсрочить вторжение. Эту скрытую цель русского царя подтверждает французский историк и писатель Анри Труайя в своей книге «Александр I. Северный Сфинкс». Троян процитировал частные письма Александра и Наполеона и написал:

«Таким образом, каждый из государей полагает, что, демонстрируя показную сердечность, сумел одурачить другого. Для Наполеона Тильзит — уверенность в свободе действий против Англии; для Александра — почетное средство выиграть время. Оба они делают вид, что Тильзитский договор — залог длительного мира, но в действительности ни тот, ни другой в это не верит»¹.

У Сталина было затруднительное положение очень похожего характера: он столкнулся с угрозой разрушения в 1939 г. со стороны выросшей за недавнее время военной мощью Германии. Личность Сталина может вызывать разные эмоции. Однако одно из самых впечатляющих мнений об этом государственном деятеле, которое я слышал, исходило от моего друга Алмоса Трифа, профессора патологии из румынского

---

¹ Труайя А. Александр I. Северный сфинкс / А. Труайя. Амфора, 2015.

Fig. 2. Paris Metro Lines 2-5-7
Stalingrad sign

Source: Wikimedia Commons
(https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Paris_Metro_Stalingrad_station_sign.jpg), CC-BY-SA-4.0

Рис. 2. Линии метро 2-5-7 Парижа.
Знак Сталинграда

Источник: Wikimedia Commons
(https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Paris_Metro_Stalingrad_station_sign.jpg), CC-BY-SA-4.0

in their house in the early 1960s, his mother, Ilona Pal¹, put it very simply: “If Stalin had not existed, you Almos would not have existed”.

¹ Ilona Pal was of Szekely nationality, a subgroup of Ugric people, and a graduate of Pedagogical College of Elek Benedek, a Hungarian writer, in the town of Odorheiu Secuiesc, Transylvania. In the clouds of anti-Semitic atmosphere of 1938, she courageously stood for her choice and married a Jewish young man Zicman, who later became a renowned acarologist in Romania.

города Яссы. Когда в начале 1960-х гг. в их доме разгорелись споры о роли Сталина, его мать, Илона Пал¹, очень просто сказала: «Если бы не было Сталина, тебя, Алмоса, тоже не было бы».

¹ Илона Пал была секейской национальности, подгруппы угорского народа, и окончила педагогический колледж Элека Бенедека (венгерского писателя) в городе Одорхею-Секуеск, Трансильвания. Несмотря на антисемитизм 1938 г. она мужественно отстаивала свой выбор и вышла замуж за молодого еврея Зичмана, который впоследствии стал известным румынским акарологом.

It is symbolical that the victory of Stalingrad became the first glow of hope, as Dr. Marillaud expressed it in his manuscript, for the coming defeat of invincible German Armada. Parisians honored this historical milestone with a new name for a metro station. For me, visiting Stalingrad metro station in the capital of France was a tribute to the heroic struggles of my parents and grandparents and to all who we commemorate as a part of the immortal regiment.

*Yuri Zagvazdin, Graduate
of University of Tyumen of 1982,
Professor of Department
of Medical Education,
College of Allopathic Medicine,
Nova Southeastern University,
Fort Lauderdale, Florida*

Символично, что победа под Сталинградом стала первым светом надежды, как выразился доктор Марийо в своей рукописи, на грядущее поражение непобедимой немецкой армады. В честь исторической вехи парижане назвали новую станцию метро. Для меня посещение станции метро Сталинград в столице Франции было данью героической борьбе моих родителей, бабушек и дедушек, а также всех, кого мы поминаем в составе бессмертного полка.

*Юрий Загваздин, выпускник
Тюменского государственного
университета 1982 г.,
профессор кафедры
медицинского образования,
Колледж аллопатической медицины,
Юго-Восточный университет Нова,
Форт-Лодердейл, Флорида*